

«ИЗМЕНА», Сумбаташвили - Южина на сцене театра имени Руставели. Первый выход Отар - бега. Некоторые зрители встречают его... веселой улыбкой: они еще не знают, кто такой Отар-бег, но зато отлично знакомы с исполнителем этой роли — народным артистом республики Эроси Манджгаладзе. Знакомы, и ждут от него юмора, добра, импровизации.

Так уж повелось, что зритель сам «выбирает» амплуду для любимого актера и, больше того, создает в своем воображении некий обобщенный, на основе наиболее ярких его ролей, образ самого актера. Разве каждый из нас, даже и незнакомый с Эроси Манджгаладзе лично, не уверен, что найдет в его лице интересного собеседника, обаятельного и остроумного?

Отсюда и реакция в зрительном зале. Но вот Отар-бег произносит первые реплики. И улыбки сходят с лиц. Дальше они тоже будут. Но это будут уже улыбки сострадания, разочарования, надежды на торжество правды. Такова уж сила актерского перевоплощения у настоящих мастеров — сами они словно бы исчезают со сцены. Остается только их герой. Здесь не было уже Эроси Манджгаладзе, столь знакомого, что, казалось бы, ни с кем его не спутаешь.

Впрочем, так случалось во многих спектаклях — «Разбойники» (Максимилиан Мор), «Люди, будьте бдительны» (Пешек), «Испанский священник» (священник Ло-

пес), «Царь Эдип» (Эдип), «Гвади Бигва» (Гвади), «Таризл Голау» (Таризл), «Дети моря» (Боло), «Мост» (прокурор), «Ханума» (князь Ваню). Так было в театре, в кино, на телеэкране.

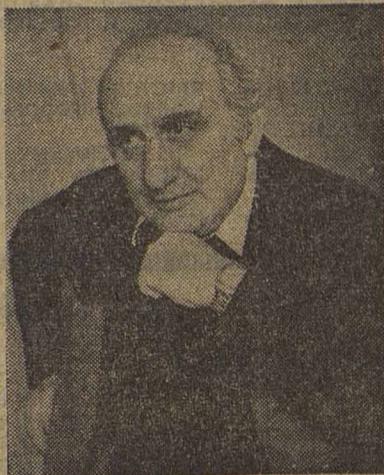
Ждут от него добра, юмора, импровизаций

Сам Эроси Акакиевич этот процесс называет раздваиванием.

— Важно уловить момент, когда ты одновременно становишься еще кем-то, и тогда жесты, манера разговора, повадки того, другого рождаются сами по себе, — говорит он. — Актер, ни разу в жизни не почувствовавший момента перевоплощения, — несчастный человек.

Способность к сценическому перевоплощению у Манджгаладзе в природе. Народный артист Грузин-

ской и Украинской ССР Дмитрий Александрович Алексидзе — его педагог и первый режиссер вспоминает о том, как успешно, будучи студентом III курса Грузинского театрального

института, Манджгаладзе справился с ролью глубокого старика — папаша Жана в знаменитой мелодраме Ф. Пиа «Парижский тряпичник». Это была его первая большая роль. В институте же Э. Манджгаладзе играл Тетерева в спектакле «Мещане», поставленном Г. Товстоноговым, негра Брета в «Глубоких корнях» А. Дюссо и Дж. Гоу, в постановке Д. Алексидзе. Этой же ролью Э. Манджгаладзе дебютировал в театре имени Руставели.

Рассказывает Д. Алексидзе:

— Один из спектаклей, который театр имени Руставели пошел на декаду грузинского искусства в Москву, был «Царь Эдип». Он шел три раза в день. Утром Эдипа играл Э. Манджгаладзе, днем С. Закариадзе, а вечером — А. Хорави. Имя Эроси было мало известно в Москве, во всяком случае по сравнению с его знаменитыми коллегами. Первой поздравила меня с успехом моего ученика народная артистка СССР О. Пыжова. Эроси с честью справился с необычайно сложной задачей, которая встает перед каждым молодым актером, выступающим рядом с большими и признанными мастерами.

Пожалуй, наиболее удивительное в таланте Э. Манджгаладзе — диапазон его дарования. Острохарактерный актер, в репертуаре которого насыщенные юмором роли в спектаклях «Пепел», «Ханума» и других, в кинокартинах «Прошедшее лето», «Куклы смеются», «Лондре», является в то же время блестящим исполнителем драматических и даже трагедийных ролей.

Говорит народный артист республики М. Туманишвили:

— Эроси Манджгаладзе счастливчик. Он необычайно талантлив. Работать с ним — наслаждение. Особенно мне запомнилась работа с ним в спектаклях «Испанский священник», «Дети моря», «Мост». Но Эроси, к сожалению, часто расходует свое богатство с непростительной роскошью, и в

этом, на мой взгляд, его беда.

Да, творческая деятельность Эроси Манджгаладзе разнопланова... Любители футбола хорошо знакомы с Манджгаладзе — спортивным комментатором. Вот уже тридцать лет он ведет репортажи с футбольных полей по грузинскому радио. Кстати говоря, в нынешнем году Э. Манджгаладзе собирает с я провести свой последний, юбилейный матч.

— К радио у меня особая любовь, — говорит он. — Ведь я начал работать диктором в семнадцать лет. Затем появилось телевидение. Я считаю, что актеру полезно пройти и через это. Телеэкран не выносит фальши. Малейшая неточность сразу бросается в глаза и притом крупным планом. За что я люблю кино? За многое и в основном за то, что оно остается надолго. Если роль сыграна удачно, этому радуешься, а если нет... — это ужасно. И все же главное для меня — театр. Театр — это венец всех искусств. Нет, это не мои слова. Так сказал Гёте. Впрочем, может быть потому, что тогда не было кино и телевидения... — шутит Эроси Акакиевич и лицо его, в который раз за нашу беседу, освещается широкой, обаятельной улыбкой.

Э. ХАРАДЗЕ.

***

НА СНИМКЕ: народный артист Грузинской ССР Эроси Манджгаладзе.